

Дары Пандоры

Лора Перселл

A decorative, ornate frame with intricate scrollwork and floral patterns. Inside the frame, the word "КОРСЕТ" is written in a large, bold, black serif font. The frame is centered on the page.

КОРСЕТ

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
П27

Laura Purcell
THE CORSET
Copyright © Laura Purcell, 2018
All rights reserved

Перевод с английского Анны Нефедовой
Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Перселл Л.

П27 Корсет : роман / Лора Перселл ; пер. с англ. А. Нефедовой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 480 с. — (Дары Пандоры).

ISBN 978-5-389-27724-3

Доротея Трулав молода, богата и собирается замуж за любимого человека. Рут Баттэрхэм молода, бедна и ждет суда за убийство. Добродетельная Доротея посещает заключенных в тюрьме, утешая их душевспасительными беседами. Она увлечена френологией и пытается подтвердить на узницах свою гипотезу о том, что по форме головы можно распознать преступные наклонности и попытаться их исправить. Шестнадцатилетняя Рут кажется ей идеальным предметом для изучения, ведь ее череп еще не сформировался окончательно. Однако Рут ставит Доротею в тупик рассказами о сверхъестественной силе, присущей ее шитью, — она уверена, что способна убить с помощью иголки и нитки. Доротея не хочет верить ей, но история Рут не дает ей покоя, и в ее душу закрадываются сомнения.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

© А. А. Нефедова, перевод, 2025
© Серийное оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27724-3

О вы, которых жизнь тепла так и легка,
Вы, грязной нищеты не ведавшие люди, —
Вы не бельем прикрыли ваши груди,
Нет, не бельем, но жизнью бедняка.
Во тьме и холоде, чужая людям, свету,
Сиди и шей с склоненной головой...
Когда-нибудь, как и рубашку эту,
Сошью сама себе я саван гробовой.

Но для чего теперь я вспомнила о смерти?
Она ли устрасит рассудок бедный мой?
Ведь я сама похожа так — поверьте —
На этот призрак страшный и немой.
Да, я сама на эту смерть похожа.

Томас Худ. Песнь о рубашке¹

¹ Томас Худ (1799–1845) — английский поэт, писатель, сатирик. Здесь его известное стихотворение «Песнь о рубашке» приведено в переводе Д. Д. Минаева. — *Здесь и далее примеч. перев.*

1

Доротея

Блаженной памяти матушка учила меня семи телесным делам милосердия: накормить голодного, напоить жаждущего, одеть нагого, принять странника, утешить больного, навестить узника и похоронить умершего. Почти всё из этого мы делали с ней, пока она была жива. Когда же пришел ее час, мы с папой похоронили ее, так что и этот пункт можно было вычеркнуть из списка.

Из всех семи дел милосердия я до некоторых пор не отваживалась только на одно: посетить томящихся в тюрьме. Женщины моего круга имеют возможность раздавать еду и одежду бедным, но вот тюрьма... Нам просто некого навещать там!

Однажды за завтраком я попыталась заговорить об этом с отцом. Сказала ему, что по завету мамы хотела бы проявлять милосердие и таким образом. Но мои слова, горячие и неловкие, повисли в воздухе вместе с облачком пара, что поднимался из носика заварочного чайника. Я до сих пор хорошо помню, как папа сузившимися глазами взглянул на меня поверх утренней газеты:

— Благотворительность — это не состязание, Доротея. А эти дела милосердия... вовсе не обязательно делать все семь.

— Да, сэр. Но мама говорила...

— Ты же знаешь, твоя мать была очень... — Он на миг опустил взгляд на газету, подыскивая слово. — У нее были довольно странные религиозные взгля-

ды. Не стоит принимать близко к сердцу то, что она говорила.

Несколько мгновений мы молчали, уставившись на другой конец стола, где пустовал ее стул.

— Мама была паписткой¹, — продолжила я, старательно намазывая тост маслом. — И я совсем не стыжусь этого.

Мне кажется, если бы я даже грязно выругалась в его присутствии, он покраснел бы не так сильно. Его лицо прямо побагровело.

— Я не позволю тебе шляться по тюрьмам! — прокричал он. — И, что бы там ни говорила твоя мать... я твой отец! Ты была и останешься протестанткой! И кончено!

На самом деле, слово отца никогда не было для меня законом. Достигнув совершеннолетия, я унаследовала от матери приличную сумму, которой могла распоряжаться по своему усмотрению. А отец и слова поперек не смог мне сказать, когда я жертвовала из этих денег на благоустройство тюрем.

Тюрьмы, равно как и мамин католицизм, манили меня, как все запретное и опасное. Я участвовала в попечительских советах женских тюрем, организовывала комитеты помощи заключенным Ньюгейта² и покупала брошюры об Элизабет Фрай³.

Не могу сказать, что благодаря этой деятельности я снискала признание в свете, зато обзавелась целым

¹ Паписты — уничижительный термин, используемый протестантами по отношению к католикам.

² Ньюгейт — главная тюрьма Лондона на протяжении 700 лет, с 1188 по 1902 г.

³ Элизабет Фрай (имя при рождении — Элизабет Герни; 21 мая 1780 г., Норвич, Англия — 12 октября 1845 г., Ремсгейт) — английская социальная активистка, реформатор тюремной системы Англии, известная как «ангел тюрем».

кругом новых друзей — в основном сочувствующих угнетенным старым дев и жен пасторов. Гораздо более достойные люди, чем расфуфыренные зазнайки, которых отец прочил мне в подруги.

— Как же ты найдешь себе достойную партию, — сокрушался он, — если все время таскаешься по тюрьмам в компании своих безумных благодетельниц?!

— Я вовсе не дурна собой, и у меня есть довольно внушительное приданое от мамы, а если мужчина настолько глуп, что его смущает мое увлечение благотворительностью, значит, он просто не достоин меня.

Папе было нечем крыть, как всегда.

Два года назад Женское благотворительное общество Оакгейта затеяло новый проект: разобрать старый покосившийся сарай, служивший местом заключения, и построить на его месте новую тюрьму. Вот он — мой шанс! Когда женское крыло тюрьмы было готово, Общество решило, что благородным леди будет полезно навещать женщин-заключенных и вести с ними душеспасительные беседы. Естественно, я вызвалась в числе первых.

Я посетила многих несчастных в этой тюрьме. Отчаявшихся, брошенных всеми, жаждущих хоть какого-то утешения. Но никогда я не встречала таких преступников, как она.

Тем утром я кормила Уилки — моего кенара, — когда мне принесли известие от главной надзирательницы тюрьмы о том, что у них появилась *новенькая*. Я сразу поняла, что речь идет о самом страшном преступлении — убийстве. Сердце сильно забилося от волнения, я приказала подать карету и уже на бегу схватила шляпку и перчатки.

По мере приближения к зданию тюрьмы я нервничала все сильнее, так что даже во рту пересохло. Поистине, никогда не знаешь, чего ожидать от убий-

цы. Раньше мне казалось, что за каждым убийством стоят серьезные причины: разбитое сердце, месть за смерть родителей, жестокий обман или шантаж. Но это заблуждение. Убийства зачастую совершаются по гораздо более прозаичным мотивам, а иногда даже и вовсе без них.

Я помню миссис Блэквуд, которая утверждала, что «не топила этих милых сладких деток — это *они* пришли и утопили детей, заставив смотреть на весь этот кошмар». Помню мисс Дэвис, которая говорила, что никогда не держала зла на того молодого темнокожего и вообще ничего не имеет против таких, как он, но, увы, он должен был умереть, ибо ей было предначертано принести его в жертву. Но самым жутким был, пожалуй, случай миссис Рен.

- Да, я убила своего мужа.
- Он бил вас?
- Нет!
- Изменял?
- Что вы! Никогда!
- Тогда что плохого он вам сделал?
- Он совершил ужасное!

Выяснилось, что ему не понравилась ее стряпня. Причем он сказал об этом всего один-единственный раз. Но этого миссис Рен хватило для кровавой расправы над мужем.

— Любая на моем месте поступила бы так же! — заявила она.

Поведение этих женщин могла бы объяснить разве что френология¹. Как она утверждает, жажда убийства заложена в некоторых от рождения, о чем свидетель-

¹ Френология — популярное в первой половине XIX в. научное течение, изучавшее взаимосвязь психики человека со строением его черепа.

ствует особое строение черепа. Если не принять вовремя меры или если возникают воспаления определенных органов — убийство становится неизбежным. Напрасно общество игнорирует столь важную науку. Если бы черепа этих женщин исследовали еще в детстве, убийства, возможно, удалось бы предотвратить правильным воспитанием и обучением. А у взрослых деформация мозга зашла уже слишком далеко. А если мы уже не можем изменить натуру этих несчастных, как же мы спасем их души?

На горизонте показалось новое здание тюрьмы. Выбеленный камень сверкал на солнце, даря надежду на раскаяние и искупление. Еще не законченное мужское крыло стояло в лесах, сквозь которые просматривались контуры стен и оконные проемы. Круглые окна женского крыла, напоминающие иллюминаторы, делали все здание похожим на огромный парход. К железной ограде жались молодые деревца. Когда они подрастут, внутренний дворик станет тенистым и зеленым. Все это производило обнадеживающее впечатление и вселяло мысль о том, что, может быть, не все еще потеряно.

Сторож отпер ворота — новенькие, они открылись почти беззвучно, без скрипа и скрежета. Пока я выбиралась из кареты и оправляла платье, подошел смотритель и вписал мое имя в книгу посетителей. Потом появилась одна из надзирательниц и повела меня по уже хорошо знакомым выкрашенным известью коридорам. И вот я в кабинете главной надзирательницы.

Как только я вошла, она поднялась из-за стола мне навстречу. При этом на кожаном поясе что-то звякнуло. Это была связка ключей, которые совсем не подходили на ключи от мрачного узилища — новенькие и блестящие, как и все здесь. В кабинете надзирательницы пахло деревом и известкой.

— Мисс Трулав, вы точны, как всегда, — она вежливо поклонилась, звякнув ключами.

— Конечно, мэм. Сгораю от нетерпения увидеть вашу новенькую.

Лицо надзирательницы приобрело не вполне понятное мне выражение, но совершенно точно без всякого намека на улыбку. Эта женщина казалась воплощением казенного учреждения: неопределенный возраст, правильные, но совершенно заурядные черты лица, монотонный голос.

Форму ее черепа разглядеть было весьма затруднительно, так как на голове у нее сидел кипенно-белый накрахмаленный чепец. Если бы непременно нужно было что-то о ней сказать, то я, пожалуй, предположила бы, что не очень-то ей нравлюсь. Правда, она никак не выказывала этого, так что предположение основывалось скорее на интуиции, чем на конкретных фактах.

— Мисс Трулав, пожалуйста, будьте предельно осторожны с ней. Она действительно крайне опасна.

От этих слов у меня по телу побежали мурашки.

— Вы сказали, она здесь за убийство?

— Да-да, именно.

— Жестокое и кровавое?

— Нет. — Она поджала губы, но голос ее не изменился. — Коварное. Убила свою хозяйку, у которой состояла в прислугах. Убивала постепенно, день за днем.

Значит, это не убийство в порыве гнева. Меня так и подмывало спросить, как именно она это сделала, но я сдержалась, хоть и с большим трудом. Главная надзирательница не такая, как я: она не пытается докопаться до истинных мотивов преступления и уж точно не надеется на раскаяние преступника. Ее задача просто кормить и одевать этих женщин. Похоже, она отказывает им в наличии души.

— Горничная? Сколько ей?

— Вот это как раз самое ужасное. Ей всего шестнадцать.

Боже, совсем ребенок!

Я никогда не имела дела с ребенком-убийцей. Но тем лучше для моих изысканий! У меня будет возможность изучить строение еще не окончательно сформировавшегося черепа и посмотреть, развились ли до конца те самые участки, что отвечают за преступные наклонности.

— Как ее зовут?

— Рут Батгэрхэм.

Какая звучная фамилия! Словно кулак, разрезающий воздух.

— Не проводите ли вы меня в ее камеру?

Главная надзирательница молча направилась к выходу из кабинета.

Некоторое время мы шли по коридорам с чистыми и гладкими полами, пока не остановились около одной из огромных железных дверей. Какая она внушительная — а за ней ведь всего лишь ребенок! — промелькнуло у меня в голове. Эмалевая табличка на двери была пока без надписи: Рут поместили в эту камеру совсем недавно и еще не успели написать ее имя и вынесенный приговор.

Главная надзирательница открыла смотровое окошечко в двери. Затаив дыхание, я заглянула внутрь.

Я всегда буду помнить ее именно такой, какой увидела тогда. Она сидела на краю своей койки, полностью одетая. На коленях у нее лежал толстый просмоленный канат. Сильно ссутулившись, Рут склонила голову набок, так что я не могла точно определить, какого она роста, но на первый взгляд казалось, что не выше среднего. Темные кудри падали ей на виски. Ее, как и других заключенных, перед помещением

в камеру коротко остригли. Такая мера защищала от паразитов и придавала преступницам вид кающихся грешниц. Но на облике Рут Баттэрхэм это почему-то сказалось ровно противоположным образом: оттого что ее волосы окутывали голову густым темным облаком, она стала больше похожа на дьяволицу, чем на полную раскаяния грешницу. Поэтому сразу рассмотреть строение черепа мне не удалось. Возможно, увеличена шишка убийства над ухом, но, чтобы понять это, мне нужно ощупать ее голову. Возможно, она даже позволит сделать это.

Весь ее облик излучал какое-то спокойствие. Она перебирала пеньковую веревку, и пальцы ее при этом двигались очень размеренно. Руки девочки казались довольно мускулистыми, но в них не чувствовалось устрашающей силы — обычные руки человека, зарабатывающего свой хлеб физическим трудом.

— Вы, наверное, хотите поговорить с ней? У нас давно не было убийц. С тех пор как повесили мисс Смит. — Главная надзирательница не стала дожидаться моего ответа и зазвенела ключами, открывая дверь.

Девочка подняла голову мне навстречу. На меня внимательно смотрели два темных глаза, обрамленных пушистыми ресницами. Ее руки отпустили веревку, которая с шумом соскользнула на пол.

У меня перехватило дыхание: как она могла так спокойно заниматься своей работой, понимая, что, возможно, именно такая веревка прервет ее жизнь?

— Баттэрхэм, это мисс Трулав. — Главная надзирательница тяжело вздохнула, что я тут же посчитала выражением некоей неприязни ко мне. — Пришла тебя навестить.

Я опустилась на единственный имевшийся в камере стул. Одна из его ножек была короче других. Мне пришлось подобрать подол.

Рут смотрела прямо в глаза, без наглости, скорее, с некоторым любопытством.

В какой-то миг я даже испытала что-то похожее на разочарование. Она оказалась на вид совершенно невзрачной, даже немного мужеподобной, с тяжеловатым подбородком и слишком широко расставленными глазами. Нос выглядел на удивление плоским. Как говорится, плоский нос — плоский ум. Но потом я подумала о том, что мысль об убийстве редко приходит в голову красивым и богатым.

— Я вас не знаю, — промолвила она.

— Еще нет, — улыбнулась я, хотя чувствовала себя довольно глупо.

Голос ее звучал совсем не по-детски. Он был даже каким-то грубоватым, и в нем сквозило усталое безразличие ко всему миру. От его тембра у меня почему-то снова пробежал мороз по коже.

— Я навещаю всех женщин в этой тюрьме. И в первую очередь тех, у кого нет родни.

— Ну, такая богачка, как вы, может позволить себе любой каприз. Даже это.

Она снова принялась за веревку и перевела взгляд на кружку, поднос и Библию, аккуратно разложенные на подоконнике. Ее пальцы с почерневшими от смолы ногтями и сгибами продолжали проворно двигаться.

— Да, я могу приходить и уходить, когда захочу. Но я здесь не для развлечения. Я пришла ради тебя. Пришла предложить утешение, насколько это возможно.

— Хм... — Она не поверила ни единому моему слову. Возможно, за свою короткую жизнь эта девочка никогда не знала доброго отношения.

— Я подожду за дверью, — сказала главная надзирательница. — Смотровое окошко открыто. Так что без шуточек, Баттэрхэм!

Рут не удостоила ее ответом.

Замок щелкнул — и я оказалась наедине с девочкой-убийцей.

Странно, но я никогда не видела преступниц, столь хорошо владевших собой. Взрослые женщины — та же Дженни Хилл — плакали у меня на плече или умоляли о пощаде. Но только не Рут. Она вовсе не походила на заплаканную девочку или ребенка, жаждущего материнского тепла. Рут продолжала теревить на колених веревку, которая все больше становилась похожей на копну волос.

Она убивала свою хозяйку медленно, методично, день за днем...

Я содрогнулась. Не надо поспешных выводов. Не всегда тишина бывает зловещей. К тому же макушка Рут выглядела довольно широкой. Это было заметно, даже сквозь густые волосы. Возможно, у нее чрезмерно развит участок мозга, отвечающий за чувство собственного достоинства. Или она просто не понимает, что такое утешение. Как я могу ожидать от нее, что она обратится к Господу с искренним раскаянием, если никто никогда не проявлял к ней милости? Этой девочке нужно, прежде всего, понять, что значит друг. И возможно, я смогу им стать.

Я откашлялась:

— Надзирательница зовет тебя Баттэрхэм. Наверное, им так положено. Но я бы хотела обращаться к тебе по имени, которое было дано тебе при крещении. Можно я буду называть тебя Рут?

Она пожала плечами. При этом стало заметно, что платье ей тесновато.

— Как вам угодно.

— Ты знаешь, почему ты здесь, Рут?

— Я убийца. — Она сказала это без тени гордости. Но и стыда в ее голосе тоже не было.

Я молчала, ожидая продолжения. Но Рут просто продолжала молча теребить веревку. Она не пыталась ничего объяснить. И впасть в истерику от отчаяния она тоже, по всей видимости, не собиралась.

Это успокоило меня.

— И кого же ты убила?

Она насупила брови и моргнула несколько раз.

— О, наверное, довольно много людей, мисс.

Я была ошарашена, услышав такой ответ. Получается, были и другие жертвы, о которых не знает полиция?

Эта ее дурацкая веревка уже начинала меня раздражать, мешая сосредоточиться. Может, Рут просто не до конца понимает, в чем ее обвиняют? Я уже наблюдала случаи, когда тяжесть содеянного словно выдавливала, стирала из головы преступника память о совершённом преступлении. У Рут то же самое? Может, она сейчас бездумно, как попугай, повторила то, что ей сказали надзиратели? То, что она убийца, это ее или их слова? С большой осторожностью я стала расспрашивать девочку дальше.

— Правда? И ты сожалеешь о содеянном?

Она растянула губы в кривой улыбке, обнажив два желтых зуба:

— Ну... Да... Хотя... По-разному...

— Это как?! — выпалила я, от удивления непроизвольно подавшись вперед. — Ты считаешь, что можно раскаиваться сильнее или слабее? В зависимости от... чего?

— Ну, были люди, которых я не собиралась убивать. Сначала получилось случайно. — Ее голос впервые слегка дрогнул. — А потом... Я пыталась, пыталась остановить это — но было уже поздно. Этих людей мне искренне жаль... А еще... — Она запнулась и тяжело вздохнула.

— Что еще?

— Некоторых я действительно ненавидела.

Больше всего на свете мне хотелось в этот момент позвать главную надзирательницу. Ведь если девочка говорит правду, полиция знает не обо всех убийствах. Но «настучать» (выражаясь языком заключенных) на нее сейчас — значит потерять всякую надежду завоевать ее доверие. И тогда я уже не смогу обследовать ее голову и понять, кто же она на самом деле.

— То есть... В убийстве тех, кого ты ненавидела, ты не раскаиваешься? — постаралась аккуратно подытожить я.

Она смотрела на меня в упор своими огромными темными глазами:

— А вы как думаете, мисс?

Я была обескуражена, но во мне все еще теплилась надежда. Ведь если она говорит о ненависти, то это в каком-то смысле даже хорошо. Значит, она действовала в исступлении, а не с маниакальным хладнокровием, как я подумала вначале.

Рут смотрела на меня, а пальцы ее ловкими и умелыми движениями продолжали теревить веревку, отчего мне опять стало не по себе.

— Странно, что тебе дали такую грязную работу. Разве ты не предпочла бы вязать носки или шить рубашки? Думаю, я могла бы замолвить за тебя словечко главной надзирательнице.

На ее лице снова появилось какое-то слабое подобие улыбки.

— Надзирательница сама хотела отправить меня в швейную. Пришлось упереться, чтобы остаться в камере. Странно, правда? Они заперли меня здесь, обыскивают всех, чтобы мне, не дай бог, что-то не пронесли. А потом, как ни в чем не бывало, главная отправляет меня шить!

— Но почему бы и нет? Ведь шитье самое мирное и полезное занятие, разве нет?

Она снова криво улыбнулась:

— О, мисс!

— Что? Я не понимаю...

— Как раз в швейной я опаснее всего!

Может, она все-таки слегка не в себе? Я решила ничего не говорить главной надзирательнице о других убийствах, пока не подтвердится, что таковые действительно были. Если все это лишь плод воспаленной фантазии Рут, то главная будет потешаться надо мной за моей спиной.

— Что же опасного в шитье? Да, иглой или спицей можно уколоться, но это вовсе не смертельно. К тому же в швейной всегда присутствует надзирательница. Иголкой никого не убьешь, Рут!

Она уставилась на меня своими темными большими глазами и сказала:

— Правда?

2

Рут

Если бы я родилась мальчиком, всего этого никогда бы не произошло. Я никогда не взяла бы в руки иглу, никогда не познала бы своей силы, и жизнь моя сложилась бы совсем по-другому. У меня было бы гораздо больше шансов, что называется, выбиться в люди и, конечно, защитить свою мать. Но увы, я родилась девочкой, и мне было предначертано разделить судьбу всех девочек из бедных семей: я оказалась привязанной к своей работе, словно игла с продетой в ушко нитью.

Шитье — это как отдельная жизнь. Жаль, что никто этого не понимает. Игла мгновенно принимает на себя настроение того, кто взял ее в руки, а нить затем впитывает эти эмоции. Можно шить с нежностью, можно успокаивать себя шитьем, стежок за стежком, а можно шить с ненавистью. Шитье в ярости всегда оборачивалось для меня спутанными нитками и неровными стежками. Хотя шить в ярости тоже можно. Но лучше дождаться, пока она перейдет в ненависть. Медленную, расчетливую ненависть, тлеющую в кончиках сжимающих иглу пальцев, незаметную ни для кого, кроме тебя самой.

Говорят, ненависть — напрасное чувство, разрушительное и бесполезное. Но это заблуждение. Я овладела своей ненавистью и обратила ее в оружие. Но, мисс, судя по вашему лицу, вам это чувство совсем не знакомо?

Тех, к кому впервые испытал настоящую ненависть, запоминаешь на всю жизнь. Тех, кого ты была готова полюбить, если бы только они позволили. Но от их презрения ты съеживаешься, как платье под дождем. Они умеют показать, как ты выглядишь в их глазах — жалкой и омерзительной, так что самой делается противно. Чтобы пробудить настоящую ненависть, нужен особый талант к жестокости.

Как у Розалинды Ордакл.

Выглядела она как настоящая фарфоровая куколка, с длинными белокурыми волосами, казалась гораздо взрослее всех остальных учениц и, естественно, была любимицей учителей. Я могла бы рассказать о многих гадостях, что она сделала мне в тот год, когда мне исполнилось двенадцать, в пансионе для девушек миссис Хоулетт. Но по-настоящему достоин упоминания только один случай.

Это произошло ранней осенью, когда дни уже становились короче.

Прозвенел звонок, и мы все высыпали на улицу, на студеной осенний воздух. Сквозь волны серых туч уже проглядывала луна, а на площади зажгли фонари. Я торопливо шла по мостовой, поглядывая, как девочки сворачивают на соседние улицы.

Возвращение домой из школы все обычно вспоминают как самые сладкие моменты школьных лет, но для меня эти моменты были самыми опасными. Я всегда шла быстро, постоянно озираясь и вздрагивая от каждого шороха. Иногда бежала, спеша как можно быстрее добраться до дома.

Напротив школы, на другом конце площади, начинался узенький переулок. Если у меня получалось быстро преодолеть его, я выдыхала, потому что дальше меня уже никто бы не тронул.

Обычно у меня это получалось.

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ЛОРА ПЕРСЕЛЛ

КОРСЕТ

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 16.01.2025.
Формат издания 84 × 108 ¹/₃₂. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,20. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филiaal ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

R-PDA-36737-81-R